

Николай Михайлович Карамзин

Нечто о науках, искусствах и просвещении

Николай Михайлович Карамзин

Нечто о науках, искусствах и просвещении

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976155*

Аннотация

«...таким образом, можно сказать, что науки были прежде университетов, академий, профессоров, магистров, бакалавров. Где натура, где человек, там учительница, там ученик – там наука. Хотя первые понятия диких людей были весьма недостаточны, но они служили основанием тех великолепных знаний, которыми украшается век наш; они были первым шагом к великим открытиям Невтонов и Лейбницев – так источник, едва, едва журчащий под сению ветвистого дуба, мало-помалу расширяется, шумит и наконец образует величественную Волгу...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Комментарии

Николай Карамзин

Нечто о науках, искусствах и просвещении

*Que les Muses, les arts et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent la vie!*
St. Lambert¹

Был человек – и человек великий, незабвенный в летописях философии, в истории людей, – был человек, который со всем блеском красноречия доказывал, что просвещение для нас вредно и что науки несовместны с добродетелию!

Я чту великие твои дарования, красноречивый Руссо! Уважаю истины, открытые тобою современникам и потомству, – истины, отныне незагладимые на досках нашего познания, – люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою к человечеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы – парадоксами.

Вообще рассуждение его о науках² есть, так сказать, логический хаос, в котором виден только обманчивый порядок или призрак порядка; в котором сияет только *ложное* солнце

² Discours sur la question, proposée par l'Académie de Dijon, si le rétablissement des Sciences et des Arts a contribué à épurer les mœurs? (Рассуждение о вопросе, предложенном академией города Дижона, способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов (*франц.*). – *Ред.*).

– как в хаосе творения, по описанию одного поэта, – и день с ночью непосредственно, то есть без утра и вечера, соединяются. Оно есть собрание противоречий и софизмов, предложенных – в чем надобно отдать справедливость автору – с немалым искусством.

«Но Жан-Жака нет уже на свете: на что беспокоить прах его?» – творца нет на свете, но творение существует; невежды читают его – самые те, которые ничего более не читают, – и под эгидою славного женеевского гражданина злословят просвещение. Если бы небесный Юпитер отдал им на время гром свой, то великолепное здание наук в одну минуту превратилось бы в пепел.

Я осмеливаюсь предложить некоторые примечания, некоторые мысли свои о сем важном предмете. Они не суть плод глубокого размышления, но первые, так сказать, идеи, возбужденные чтением Руссова творения³.

Со времен Аристотелевых твердят ученые, что надобно определять вещи, когда желаешь говорить об них и говорить основательно. Дефиниции, или определения, служат фаросом^[1] в путях умствования – фаросом, который беспрестан-

³ Новая пьеса одного неизвестного немецкого автора, которая нечаянно попала мне в руки и в которой бедные науки страдают ужасным образом, заставила меня прочесть со вниманием «Discours» de J.-J. («Рассуждение» Жан-Жака (франц.). – *Ред.*). – Примечания мои неважны, но они по крайней мере не выписаны ни из Готье, ни из Лаборда, ни из Мену, которых я или совсем не читал, или совсем забыл. – Что же принадлежит до господина немецкого анонимуса, то он, кроме злобы, тупоумия и несносного готтедского слога, ничем похвалиться не может; на такие сочинения нет ответа.

но должен сиять пред глазами нашими, если мы не хотим с прямой черты совратиться. Руссо пишет о науках, об искусствах, не сказав, что суть науки, что искусства. Правда, если бы он определил их справедливо, то все главные идеи трактата его поднялись бы на воздух и рассеялись в дыме, как пустые фантомы и чада Химеры: то есть трактат его остался бы в туманной области небытия, – а Жан-Жаку непременно хотелось бранить ученость и просвещение. Для чего же? Может быть, для странности; для того, чтобы удивить людей и показать свое отменное остроумие: суетность, которая бывает слабостию и самых великих умов!

Несмотря на разные классы наук, несмотря на разные имена их, они суть не что иное, как *познание природы и человека, или система сведений и умствований, относящихся к сим двум предметам*⁴.

От чего произошли они? – От любопытства, которое есть одно из сильнейших побуждений души человеческой: любопытства, соединенного с разумом.

Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеян-

⁴ Познание сих двух предметов ведет нас к чувствованию всевечного творческого разума.

ными? Не она ли призывает нас к наукам? – Может ли человек быть бесчувствен тогда, когда громы природы гремят над его головою; когда страшные огни ее пылают на горизонте и рассекают небо; когда моря ее шумят и ревут в необозримых своих равнинах; когда она цветет перед ним в зеленой одежде своей, или сияет в злате блестящих плодов, или, как будто бы утружденная великолепием своих феноменов, облачается в черную ризу осени и погружается в зимний сон под белым кровом снегов своих?

Обратимся во тьму прошедшего; углубимся в бездну минувших веков и вступим в те давно истлевшие леса, в которых человечество, по словам твоим, о Руссо! блаженствовало в физическом и душевном мерцании; устремим взор наш на юного сына природы, там живущего: мы увидим, что и он не только о физических потребностях думает; что и он имеет душу, которая требует себе не телесной пищи. Сей дикий взирает с удивлением на картину природы; око его обращается от предмета к предмету – от заходящего солнца на восходящую луну, от грозной скалы, опеняемой валами, на прекрасный ландшафт, где ручейки журчат в серебряных нитях, где свежие цветы пестреют и благоухают. Он в тихом восхищении пленяется естественными красотами, иногда нежными и милыми, иногда страшными: впивает их, так сказать, в свое сердце всеми чувствами и наслаждается без насыщения. Все для него привлекательно; все хочет он видеть и осязать в нервах своих; спешит к отдаленнейшему, ищет конца

горизонту и не находит его – небо во все стороны над ним разливается – природа вокруг его необозрима и сим величественным образом беспредельности вещает ему: *нет пределов твоему любопытству и наслаждению!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...фарос... – маяк.